

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
СЕКЦИЯ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ РАН**

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 32

Издается с 1993 г.

**МОСКВА
2 0 1 3**

Литературоведческий журнал

Александр Николюкин

Литературоведческий журнал № 32

«Агентство научных изданий»

2012

УДК 83
ББК 64

Николюкин А. Н.

Литературоведческий журнал № 32 / А. Н. Николюкин —
«Агентство научных изданий», 2012 — (Литературоведческий
журнал)

В журнале публикуются научные статьи по истории отечественной и зарубежной литературы, по теории литературы, а также хроника литературной жизни и библиография по литературоведению. Рукописи представляются в редакцию в печатном и электронном виде. К тексту статьи прилагаются: краткая аннотация на русском и английском языках и список ключевых слов, а также справка об авторе с указанием ученой степени, должности, места работы и контактной информации. Публикуемые рукописи рецензируются. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

УДК 83
ББК 64

Содержание

К 200-летию рождения М.Н. Каткова	5
ВСТУПЛЕНИЕ	5
КАТКОВ И ЕГО СОВРЕМЕННОСТИ	6
Н.П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ И КАТКОВ: ПУБЛИЦИСТЫ- АНТИПОДЫ В ПОЛОСЕ ВЗАИМНОГО ТЯГОТЕНИЯ	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Александр Николукин

Литературоведческий журнал № 32

К 200-летию рождения М.Н. Каткова

ВСТУПЛЕНИЕ

В советские времена было принято отмечать, «праздновать» юбилеи смерти. 21 января каждого года до начала Великой Отечественной войны вся страна праздновала день смерти В.И. Ленина. Дворцы пионеров проводили особые торжества в черно-алых цветах полотнищ и портретов.

В 1937 г. всенародно праздновали 100-летие гибели Пушкина. Летом 1941 г. готовились торжественно отметить 100-летие смерти Лермонтова, но помешала война. В 1948 г. в Большом театре весьма пышно отмечали 100-летие смерти Белинского, а в 1952 г. к 100-летию смерти Гоголя «советское правительство» (как написано на памятнике) открыло от себя новый памятник великому писателю. Даже иностранных писателей обычно отмечали юбилеи только смерти: 100 лет Байрону в 1924 г., 100 лет Гёте в 1932 г. и т.д.

Не лучше ли чествовать юбилеи рождения? В 1899 г. Россия отмечала 100-летие рождения Пушкина. Потому и мы в 1999 г. праздновали 200-летие рождения поэта. В 2009 г. – 200-летие рождения Гоголя. В 2014 г. будет 200-летие рождения Лермонтова. Право, это как-то человечнее.

Мы готовимся к предстоящему 200-летию рождения великого русского публициста Михаила Никифоровича Каткова, писателя, заведомо исключенного в XX в. из истории русской литературы. Только теперь, в наше время, мы можем по-настоящему осознать, что он значил и что он сделал в свое время. На это нужно время, чтобы прочитать его сочинения и понять его роль в истории, – только что закончилось издание 6-томного Собрания его сочинений.

С 2007 г. в Москве ежегодно в Михайлов день 21 ноября в Храме Всех Святых бывшего Алексеевского монастыря проводятся Катковские чтения. Под руководством настоятеля Храма, члена Союза писателей России протоиерея Артемия Владимирова на чтениях выступают многие писатели, ученые, деятели культуры и религиозных организаций Москвы и Петербурга.

В 2008 г. издательство «Прогресс-Плеяда» выпустило первый «Катковский вестник» (редакторы С.С. Лесневский и Б.Н. Романов), в котором опубликованы доклады на Первых чтениях протоиерея Артемия Владимирова, И.А. Едошиной, А.Н. Николукина, Ю.В. Климакова, Л.Л. Черниченко, Т.Ф. Прокопова, Джеффри Хоскинга (Лондонский университет), А.А. Ширинянца, Ст. Лесневского, а также статьи М.Н. Каткова о Пушкине и Глинке.

В настоящем номере «Литературоведческого журнала» печатается несколько докладов, прочитанных на Катковских чтениях последних лет.

КАТКОВ И ЕГО СОВРЕМЕННОСТИ

А.Н. Николоюкин

Аннотация

Катков как редактор журнала «Русский Вестник» и газеты «Московские Ведомости» вел полемику с А.И. Герценом, в результате чего революционная газета Герцена «Колокол» утратила свою притягательность в России.

Ключевые слова: «Русский Вестник», «Московские Ведомости», «Колокол», большевистский переворот, политические экспериментаторы, русский народ.

Nikolukin A.N. Katkov and his contemporaries

Summary. Katkov as the editor-in chief of the journal «Russky Vestnik» and the newspaper «Moskovskie Vedomosti» entered into polemics with A.I. Herzen. After this controversy Herzen's revolutionary newspaper «Kolokol» lost its popularity in Russia.

В здании на Страстном бульваре в Москве, где в XIX в. находилась редакция журнала «Русский Вестник», где печатались знаменитые романы Тургенева, Достоевского, Толстого, Лескова, Писемского, в 1970-е годы располагалось одно из управлений Министерства культуры. Однажды Марго Светлакова, ведавшая там делами театров, пригласила меня с женой (подругой Марго еще с аспирантских времен). Когда мы поднялись на этаж, Марго показала в кабинете большой дубовый стол Михаила Никифоровича Каткова, за которым теперь восседала она, Марго, имевшая право разрешать или запрещать спектакли, в частности в театре на Таганке.

Марго предложила мне сесть за стол Каткова, но такового желания я не испытывал, хотя в Орле в музее писателей-орловцев, где в запаснике хранится стол В.В. Розанова, я с удовольствием садился, выдвигал все ящики, представляя, как сидел за столом Розанов. От посещения кабинета Каткова у меня в душе осталось некое несоответствие между старым русским журналистом, издателем, крупнейшим человеком своего времени, блестящим русским умом и современным советским чиновничеством по делам культуры, процветающим в том же доме, буквально за тем же столом.

В 100-летнюю годовщину со дня смерти Каткова 1 августа 1987 г., которого тогда никто не вспоминал, я вместе с женой Светланой Алексеевной Коваленко отправился в Новоалексеевский монастырь на севере Москвы, лежавший тогда в развалинах. Там был похоронен Катков, о котором советская пресса писала когда-то, что он «объединил вокруг себя все темные силы дворянско-помещичьей реакции». Мы не знали места захоронения, но, подойдя к храму Алексия человека Божия, где в советские годы находился читальный зал Архива Москвы и где мне приходилось бывать десятилетиями ранее, мы развесили принесенные цветы на деревьях, поскольку от могил ничего не осталось. Как оказалось потом, это было, действительно, вблизи могилы Михаила Никифоровича, памятник на которой был уничтожен вскоре после революции. Большевики считали, что, воздвигнув мраморный мавзолей, они навечно сохраняют славу первого вождя революции, а стертая могила Каткова заставит забыть его. Но у истории свои правила и обычаи. И хотя мавзолей кровавому вождю еще простоит какое-то время, пока живы те поколения, которые поклонялись ему, память великого публициста и мыслителя Каткова важнее для русской мысли, для будущего России, чем преступления прошлого, забывать которые нам тоже не след.

Прошло 20 лет. Россия стала другой. Ее ценности и память изменились. В день именин Каткова – в Михайлов день 21 ноября 2007 г., когда отмечалось 190-летие рождения Михаила

Никифоровича, с благословения протоиерея Артемия Владимирова, настоятеля храма Всех Святых, что в Красном Селе, нам удалось организовать ежегодные Катковские чтения в обители, где покоятся останки писателя. Сначала немногочисленные, эти чтения год от года стали привлекать к себе все большее внимание. Уже десятки историков, философов, социологов, литературоведов, писателей принимают в них участие. Издательство «Прогресс-Плеяда» под руководством С.С. Лесневского выпустило сборник «Катковские чтения». Имя и дела писателя ожили и возродились. Стал вопрос о восстановлении памятника на могиле.

Неисследованными остаются многие стороны деятельности Каткова, в частности переводческая работа. Известно, что он переводил Фенимора Купера, Генриха Гейне, Гёте, Рюккерта. Известно, что он первый в 1841 г. издал свой перевод трагедии Шекспира «Ромео и Юлия», как он назвал ее. При этом его перевод гораздо точнее, чем кастрированный в эротических местах перевод Т.Л. Щепкиной-Куперник, печатаемый и поныне. Но едва ли кто-либо слышал, что Катков первый опубликовал в редактировавшейся им газете «Московские Ведомости» (1853. 14–19 февраля) перевод (с французского) отрывков из неизвестного тогда у нас романа Г. Мелвилла «Моби Дик» (под названием «Китовая ловля»). А уже в следующем году в журнале «Пантеон» (1854. № 3) появилась единственная в русской журналистике XIX в. анонимная заметка «Герман Мельвиль (североамериканский писатель)», к возникновению которой, возможно, причастен Катков.

Историческая роль М.Н. Каткова определяется прежде всего тем, что он первый во время реформ 1860-х годов выступил с критикой антирусских тенденций в писаниях Герцена в «Колоколе» и нигилистов-революционеров, обосновавшихся в журнале «Современник». В статье в журнале «Современная Летопись» 16 мая 1862 г. Катков называет Герцена «свободным артистом», который «серьезно воображает себя представителем русского народа, распорядителем его владений, и действительно вербует себе приверженцев, во всех уголках Русского царства, и сам сидя в безопасности, за спиною лондонского полисмана, для своего развлечения высылает их на разные подвиги, которые кончаются казематами или Сибирью, да еще не велит “сбивать их с толку” и “не говорить ему под руку”?».

6 июня 1862 г. Катков пишет в «Современной Летописи» статью, еще не называя имени Герцена, которое находилось под цензурным запретом. Катков иносказательно полемизирует с Герценом и его сторонниками, которых он именует «заграничными беженцами»: «Наши заграничные *refugiés* (мы хорошо знаем, что это за люди) находят, что Европа отжила свое время, что революции не удаются в ней, что в ней есть много всякого хлама, препятствующего прогрессу, как например: наука, цивилизация, свобода, права собственности и личности, – и вот они вызымали благую мысль избрать театром для своих экспериментов Россию, где, по их мнению, этих препятствий нет или где они недостаточно сильны, чтобы оказать успешный отпор. Они пишут и доказывают, что Россия есть обетованная страна коммунизма, что она позволит делать с собою что угодно, что она стерпит всё, что оказалось нестерпимым для всех человеческих цивилизаций. Они уверены, что на нее можно излить полный фиал всех безумств и всех глупостей, всей мертвечины и всех отседов, которые скопились в разных местах и отовсюду выброшены, что для такой операции время теперь благоприятно и что не надобно только затрудняться в выборе средств. Все эти прелести с разными гримасами появились в русских заграничных листках, – все оне воспроизводятся и развиваются в подметных прокламациях, которые появляются в самой России и которые были бы невозможны нигде, кроме России».

Действительно, такой «полный фиал всех безумств», какой произошел в результате большевистского переворота 1917 г. и «всей мертвечины» в буквальном смысле за годы советской власти, случился именно в России. Народ «позволил делать с собою что угодно» и стерпел в течение семи десятилетий то, что «было бы невозможно нигде, кроме России». Поистине, «терпением изумляющий народ», как сказал поэт. Выходит, все предупреждения Каткова оказались втуне, и политические экспериментаторы, маня сияющими вершинами коммунизма,

сумели сотворить в России то, что хотели. Россия не вняла словам Каткова и поплатилась своей горькой судьбой в XX столетии. Как писал М. Пришвин в недавно опубликованном дневнике 9 октября 1937 г., у нас получился «народ, плененный своим собственным правительством».

В «Русском Вестнике» (1862. Июнь; номер вышел в июле), игнорируя цензурные запреты, Катков прямо обратился к Герцену в статье «Заметка для издателя “Колокола”» и дал оценку его выступлений в «Колоколе» с точки зрения интересов России. Пытаясь надеть на себя маску руководителя национально-освободительной борьбы, наподобие Дж. Мадзини и Л. Кошута, Герцен захотел стать «генералом от революции». Однако, пишет Катков, «родина его не разделена и не находится под иномземным политическим игом; тяжкая и трудная история создала ее великим цельным организмом; русский народ, один из всех славянских, достиг политического могущества и стал великой державой; благодаря ему славянское племя не исчезло из истории... Государственное единство есть благо, которым русский народ дорожит и должен дорожить, если не хочет обратить в ничто дело тяжкого тысячелетия и исчезнуть с лица земли. Это основа его национального бытия, купленная дорогой ценой, и он должен крепко держаться ее, и он крепко ее держится».

Лишенный «всякой ответственности, ничем не рискуя», Герцен «издали поджигает человеческие страсти». Предвосхищая за полвека большевистские идеи «всемирной революции», он нашел себе понимание и поддержку у идеологов большевизма. И хотя лозунг «мировой революции» был снят большевиками после поражений 1920-х годов, симпатии советских коммунистов к наследию Герцена оставались неизменными все годы.

Герцен, пишет Катков, проповедовал «кровавые реформы». Вспоминая прокламацию, распространявшуюся в Москве и Петербурге под названием «Молодая Россия», Катков приводит «содержание этого безобразного изделия наших революционеров», требовавших «ни более ни менее как признать несуществующим Бога, затем уничтожить брак и семейство, уничтожить право собственности, открыть общественные мастерские и общественные лавки, достигнуть всего этого путем самого обильного кровопускания, какого еще никогда не бывало, и забрать крепко власть в свои руки».

Читая такое, думаешь, будто листаешь воспоминания человека, уже пережившего ужасы первых лет господства большевиков. То ли еще было в период оккупации России большевистской мафией! Такая программа «обильного кровопускания» и легла в основу теории ленинизма с ее лозунгом «диктатура пролетариата», означавшим на деле уничтожение всех сословий в России, кроме партийного и околопартийного. Понятие классов, заменившее прежнее представление о сословиях, было использовано «ради революционной целесообразности» для уничтожения всех классов, не отвечавших представлению о «советском обществе».

Писатель Н.М. Павлов рассказал со слов очевидца, как Герцен получил в Лондоне и прочитал статью Каткова в «Русском Вестнике». Взяв из рук Огарёва только что полученный журнал, Герцен предложил прочитать текст вслух. «Это обращение, как нельзя более, понравилось всем, — повествует очевидец, — смеялись, радовались, просили читать. Он начал. Статья, действительно, была им прочитана вслух, от начала до конца. По мере того как он читал, всему обществу делалось все неловче и неловче, а особенно против того игривого настроения духа, с которым приступили к чтению. В начале еще — Герцен то и дело вставлял от себя отрывочные заметки, иногда очень ловко и остроумно, так что даже все смеялись. Но чем дальше, тем Герцен становился тише, наконец и вовсе ничего не прибавлял от себя; чтение становилось все тяжелее как для него, так и для всех. Вторая половина была уже прочтена мрачно и выслушана в молчании: уж никто и из слушателей не вставлял от себя никаких замечаний — хоть бы полусловом. Слушатели не знали, как и досидеть до конца чтения, а чтец, очевидно, не знал, как и дочитать. Когда Герцен кончил, в комнате воцарилась гробовая тишина, — тут уж окончательно стало неловко до немощи. Герцен закрыл книгу и также ничего не говорил; его собственное и такое долгое молчание еще более сконфузило всех. Наконец он сказал: “Можно ли

так ругаться? Как это терпится такая ругательная литература? Это просто ругательство. На это и отвечать с моей стороны нечего: это ругательство». Вечер, начавшийся, было, весьма оживленно, кончился, таким образом, как-то неудачно. После того мы скоро взяли за шляпы и разошлись»¹.

О восприятии статьи Каткова русским обществом рассказал священник И. Фудель: «В “Заметке для издателя «Колокола»» русские читатели увидели в обнаженном виде не только Герцена, но и *самых себя*, потому что заметка, нанося удар пропаганде Герцена, наносила удар и тому хамскому настроению русского общества, которое делало возможным и питало эту пропаганду. Очень понятно, как эта статья Каткова могла быть принята обществом; яркая правда статьи не могла быть опровергнута, но эта же правда была для большинства очень *горькой* правдой. Все переконфузились, а когда первое впечатление прошло, стали искать мотивов для осуждения виновника конфуза. Так мы объясняем себе ту загадку, что правдивая “Заметка” Каткова никому в то время не понравилась»².

Катков глубже, чем кто-либо в то время, понял суть грядущего «коммунизма» и пытался бороться с этой идеей, хотя русская «передовая» интеллигенция была склонна прислушиваться к голосам Герцена и иже с ним. Тем не менее выступление Каткова сыграли на время свою отрезвляющую роль. Как вспоминал один из современников, после статей Каткова «лондонский кошмар исчез. Оставался тот же Герцен, печатался тот же “Колокол”, но значение его было утрачено – его не читали»³. Так Каткову удалось «заткнуть рот» пустозвонству Герцена в «Колоколе».

Много лет спустя, после 100-летнего юбилея Герцена, восторженно отмечавшегося либеральной Россией, В.В. Розанов в статье «Из судеб русской литературы и общественности» противопоставил Герцену Каткова, на котором и оборвалась его слава: «Герцен добровольно, *sua sponte*, уступил свое место “влиятельного человека” влиятельного ума и советчика – Каткову, с необозримыми последствиями сей “пересадки” для России... Самолюбие, переходящее в мелкое тщеславие, требовало у Герцена, чтобы он был непременно в “оппозиции” правительству, даже когда оно работало над великими реформациями».

Более восьми статей в «Колоколе» Герцен посвятил полемике с Катковым. Стремясь к разрушению существующей России, ее государственной власти и сложившихся форм жизни, Герцен не брезговал самыми резкими выражениями. Так, в связи с возобновлением 25 июня 1866 г. издания «Московских Ведомостей» Герцен пишет статью «Катков и Государь», которую начинает с изысканных словес, присущих этому демократу-разрушителю: «Не справился государь без Каткова и снова приставил его к тем шлюзам московской клоаки, из которой четыре года была ключом грязь и нечистота, заражающая всю Россию». По существу, самые неотразимые слова для характеристики десятилетней деятельности герценовского «Колокола» и ее пагубных результатов. Понадобилось полтора столетия, чтобы осознать это в полной мере. Хотя и поныне, возможно, сохранились приверженцы иллюзий, приведших Россию к катастрофе и преступлению 1917 г.

Современник Каткова государственный деятель и мемуарист Е.М. Феоктистов вспоминал: «Катков, роль которого в событиях 1863 и 1864 гг. представляла великое и еще небывалое у нас зрелище. Это был первый пример в России, чтобы человек без связей и покровительства, единственно силой своего таланта и горячего убеждения приобрел неслыханную диктатуру над умами. Кто пережил это время, тот никогда его не забудет. Отрадно было видеть, как под влиянием громовых статей “Московских Ведомостей” рассеивался мало-помалу хаос в понятиях общества и как проникалось оно сознательным участием к своим интересам. О Каткове можно

¹ Павлов Н.М. Полемика Каткова с Герценом // Русское Обозрение. – 1895. – № 5. – С. 323.

² Русское Обозрение. – 1895. – № 6. – С. 904.

³ Русский Вестник. – 1897. – № 8. – С. 6.

без преувеличения сказать, что он создал здоровое общественное мнение; у него был целый сонм пламенных приверженцев, которые чуть не клялись его именем, и множество исступленных врагов, которым хотелось бы стереть его с лица земли. Правительство боялось его и вместе с тем заискивало перед ним. Несмотря ни на какие препятствия, он смело шел вперед, и тщетно тупоумная цензура пыталась остановить его. “Московские Ведомости” читались нарасхват, имя его гремело по всей России, едва ли кто после Пушкина пользовался такою славой»⁴.

В статье «Ответ на книгу Шедо-Ферроти» (Московские Ведомости. 1864. 5, 6 сентября) Катков рассказал, как польские повстанцы 1863 г. использовали имя Герцена в своих целях. «Герценом пользовались многие», – пишет он и приводит факты, как плодили «герценистов» в интересах польского мятежа: «Плодить их было выгодно в интересах всякого дела, имеющего целью раздробить русское государство и отнять его у русского народа».

Парижскую коммуну Катков оценил по достоинству. 14 мая 1871 г., еще в дни террора коммунаров в Париже, он писал: «Каким образом в продолжение целых двух месяцев могла держаться во главе двухмиллионного города горсть людей, большею частью невежественных и бездарных, самовольно распоряжаясь жизнью и имуществом? Как в целой Франции не нашлось сил, чтобы мгновенно положить конец этому дикому безобразию?». Памятные слова, которые можно было бы повторить после расстрела большевиками мирной демонстрации в поддержку Учредительного собрания 5 января 1918 г.

Даже М. Горький, сравнивая 9 января 1905 г. с расстрелом 5 января 1918 г., писал о большевистской лжи в газете «Правда», утверждавшей, что демонстрация была организована буржуями: «5 января расстреливали рабочих Петрограда, безоружных. Расстреливали без предупреждения о том, что будут стрелять, расстреливали из засад, сквозь щели заборов, трусливо, как настоящие убийцы»⁵.

Сходным образом оценил Парижскую коммуну и Ф.М. Достоевский. В письме к Н.Н. Страхову в последние дни Парижской коммуны 18 (30) мая 1871 г. он писал: «Пожар Парижа есть чудовищность: “Не удалось, так погибай мир, ибо коммуна выше счастья мира и Франции”. Но ведь им (да и многим) не кажется чудовищностью это бешенство, а напротив, *красотою*».

После убийства императора Александра II Катков писал: «Изменническая крамола в полном разгаре» (Московские Ведомости. 1881. 20 мая). Россия стала средоточием политического террора. Всякого рода халтурины, желябовы, софьи перовские в мужском или женском обличи захлестнули страну, трагические отголоски чего мы переживаем и в наше время. После того как Александра Ульянова повесили за попытку покушения на императора, его младший брат Владимир Ульянов (Ленин) заявил: «Мы пойдем другим путем», т.е. путем не индивидуального, а массового террора. Этот бесславный путь массовых убийств партия ленинцев-большевиков начала осуществлять сразу же с кровавого расстрела 5 января 1918 г. демонстрации молодежи в поддержку Учредительного собрания – одного из первых в ряду бесчисленных злодеяний большевистской партии. Коммунисты очень любили чтить память жертв 9 января 1905 г., даже установили поначалу памятный день, совмещавший дату смерти Ленина с 9 (22 по новому стилю) января. Однако никогда их горе-историки не вспоминали кровавый расстрел 5 января 1918 г. на Литейном проспекте Петрограда.

Катков вместе с созидателями России противостоял силам разрушителей родной страны, которые восходят к именам Герцена и Чернышевского, а завершаются командой Ленина и его поделщиков по уничтожению государственного строя России, всего того, что произошло после 1917 г.

⁴ Феоктистов Е. За кулисами политики и литературы. – М., 1991. – С. 143 – 144.

⁵ Горький М. Несвоевременные мысли. – М., 1990. – С. 232.

Новые поколения террористов-националистов выступают против России и ее граждан. Ну что ж, всякое зло приносит рано или поздно свои плоды. В этом тоже один из уроков большевистской истории XX столетия, истории XIX в., преподанный нам Катковым. Жаль только, как всегда бывало в истории, уроки ничему не учат.

Через десятилетия критику наследия Герцена продолжил В.В. Розанов, со всем блеском своего публицистического таланта показав легковесность «вечно топырящегося Герцена». Даже не разделяя убеждений Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Розанов ценил их как «вечных работников» на ниве отечества. Герцен-эмигрант не мог вызвать у него таких чувств. В первое время по выезде из России Герцен еще мог создавать «прелестную литературу». Но писатель не может жить без родины, и это трагическим образом сказалось на судьбе Герцена.

Главный упрек Герцену – он занимался не «делом», в то время как в 1860-е годы вся Россия кипела в работе, деятельности. Он «напустил целую реку фраз в Россию, воображая, что это “политика” и “история”...», – писал Розанов в «Опавших листьях». Он говорил, что Герцен «основатель политического пустозвонства в России. Оно состоит из двух вещей: 1) “я страдаю”, и 2) когда это доказано – мели какой угодно вздор, все будет “политика”. Так как все гимназисты страдают у нас от лени и строгости учителей, то с Герцена началось, что после него всякий гимназист есть “политик”, и гимназисты делают политику».

Так Герцена воспринимали среди молодежи уже после Каткова. Он был кумир, перед которым все блекло для молодых либералов и радикалов. «Все учение Герцена, вся его обаятельная публицистика – были игрою юности, без серебряных старческих волос. Он восстал против великой исторической России, не низкой, а благородной, не расслабленной, а могущественной, – восстал легкомысленно, как новорожденный Аполлон, у которого кудри по плеча, и все на него молятся, но нельзя забыть, что ему 17 лет. Великолепие – да, но мудрости – ни на грош» (Розанов В. Из прошлого нашей литературы // Новое Время. 1912. 18 сент.). У Розанова всегда один критерий оценки заслуг писателя – его роль в упрочении России и ее духовной мощи. Нигилисты, революционеры подрывали силы великой исторической России и в конце концов разрушили ее. Такое отношение к своей стране было чуждо и неприемлемо для Каткова и Розанова.

Сопоставляя славянофилов и западников, Розанов говорит, что от И.В. Киреевского пошли русские одиночки, а от Герцена – русская «общественность». В марте 1912 г. отмечалось 100-летие рождения Герцена. Розанов написал воспоминания «Герцен и 60-е годы», однако статью сняли с набора в «Новом Времени». Розанов говорил, что Герцен подготовил подъем 60-х годов, а с другой стороны, утверждал, что «в Герцене, собственно, не зародилась, а погибла русская революция». «Вся Русь поняла и сразу оценила стих Добролюбова», – писал Розанов о строках

«Милый друг, я умираю
Оттого, что был я честен,
Но зато родному краю,
Верно, буду я известен».

«Вот таких... строк во “всем” Герцене нет, – продолжает Розанов. – На “родное” породному и отозвались. Вся Русь откликнулась на стих Добролюбова; больше: она вся встала перед ним»⁶.

Когда в Петербурге на людном собрании «Общества в память Герцена» после чтений о нем «корифеев петербургского либерализма», Розанов заговорил «и о Добролюбове», то был остановлен пренебрежительным замечанием: «Ну можно ли сравнивать Добролюбова с Гер-

⁶ Розанов В. И.В. Киреевский и Герцен // Новое Время. – 1911. – 12 февр.

ценом... Добролюбов же был совсем не образован. А Герцен – европейский ум. Да и какой талант, – разнообразие талантов!».

Да, замечает Розанов, Добролюбов и Киреевский были беднее Герцена, но в каком-то одном и чрезвычайно важном отношении они были и неизмеримо даровитее его. «Ключ и Киреевского, и Добролюбова бил из глубины земли... Бил и не истощался, и поил многих и многих... Это – любовь к родной земле, к дальней околице, к деревенской песне... Капля крови, общая с народом у них, у обоих была».

Тогда же Розанов записал строки, вошедшие затем в «Опавшие листья»: «Базар. Целый базар в одном человеке. Вот – Герцен. Оттого так много написал: но ни над одной страницей не впадет в задумчивость читатель, не заплачет девушка. Не заплачет, не замечается и даже не вздохнет. Как это бедно. Герцен и богач и бедняк».

* * *

В одной из статей 1897 г. В.В. Розанов дал развернутую характеристику Каткова: «Дивный мастер слова, великий Антей, знавший тайну прикосновения к матери-земле, Катков из нее почерпал силу и у нее же подслушал лучшие свои слова; но земля всегда есть земля, и она совершенно не могла научить его тем утонченностям умственных концепций, где открываются истинные основания консерватизма (как равно и противоположных течений) и самые далекие его заключения. Оттого невозможно даже политическую часть идей Каткова свести ни в какую систему; от этого его требования классической системы в образовании имеют перед собою элементарные и наивные аргументы; он весь, во всем своем мышлении, есть ряд афоризмов, то прекрасных, то ребяческих, всегда чистосердечных, но иногда аляповатых»⁷.

Через десять лет после смерти М.Н. Каткова В. Розанов выступил со статьей «О постановке памятника М.Н. Каткову» (газета «Мировые Отклики». 1897. 25 июля), в которой сообщал: «В печати заговорили о постановке памятника Каткову. В добрый час!.. Катков давно стал знаменем, символом известных стремлений. Соединим их в одно: он есть символ всего центростремительного в нашей земле, устремляющегося к центру, к сосредоточению, – в противовес иным центробежным силам, также обильно развитым в нашей земле, – силам, разбегающимся от центра к периферии, стремящимся разорвать целостность нашего сознания, целостность истории нашей, наконец, целостность нашей территории».

При этом Розанов рассматривает деятельность Каткова как часть общего движения в русской культуре и литературе того времени: «Катков был не один; в стороне от него, во многих частных вопросах расходясь с ним, но сходясь во всем главном, говорили Н.Я. Данилевский, автор “России и Европы”, Н.П. Гиляров-Платонов, И.С. Аксаков и только теперь начинающий получать себе истинную оценку К.Н. Леонтьев, автор сборника политических статей “Восток, Россия и Славянство” и нескольких замечательных брошюр».

Столетие назад Розанов сумел обозначить проблему, которая остается животрепещущей и в наше так называемое «постсоветское время»: «Много людей, в частности много их в литературе, которым претит идея единства и целостности, да и всякого вообще величия России. Эти бедные люди, эти слабые умы и не подозревают, до какой степени мало свободы и самостоятельности в их мышлении. Они все – официозы, но одной и дурной стороны нового правительственного механизма у нас, под именем то “западников”, то “либералов”, они развивают одну слабую сторону в реформе Петра Великого: этот жест презрения к старине, который невольно вырвался у Великого Преобразователя России рядом с гигантской работой ее укрепления и возвеличивания».

⁷ Розанов В.В. Собр. соч. Эстетическое понимание истории. – М.: СПб., 2009. – С. 579.

В том же 1897 г. Розанов начинает свою статью «О гимназической реформе семидесятих годов» (Новое Время. 1897. 5 авг.) с характеристики вклада Каткова в дело образования в России: «Десять лет, истекшие со времени смерти Каткова... дают нам повод остановиться на главном практическом деле, которое связывается с его памятью, системе классического у нас образования. Он не был ее организатором: едва ли он знал все подробности, с какими она осуществлялась у нас. Но, ссылаясь на примеры Англии и Германии, он если и не убедил всех, то заставил всех, от кого зависело практическое разрешение вопроса, поверить, что классицизм есть единственное для России средство стать умственно независимой страной, стать равною среди равных в семье просвещенных европейских наций. Он дал этой системе победу как идею, как принцип – в противовес системе утилитарного, практического обучения».

Розанов ценил Каткова как «страстного консерватора», каким он стал с 1863 г. Но вместе с тем считал, что консерватизм не приспособился к условиям российского общества. «Весь наш консерватизм есть какие-то ископаемые допотопные чудовища, – считал Розанов, – совершенно не приспособленные к условиям новейшего существования... И посему вымирающие...

“Вымирающее” – Катков.

“Вымирающее” – Кон. Леонтьев.

“Вымирающее” – Ап. Григорьев и Н. Страхов.

Что же “не вымирающее”? Владимир Набоков <отец>, Оль-д'Ор, Кондурушкин. Эти “приспособлены к условиям существования”. Мелкая река и мелкая рыбка.

Боже мой, все мелеет. Вот ужас. Это не исторический переворот, это космологический переворот» («Сахарна». 17 ноября 1913).

Осенью того же юбилейного года Розанов написал большую полемическую статью «Катков “как государственный человек”», вошедшую затем в его книгу «Литературные очерки» (1899), в которой не соглашался с хвалебной статьей В.А. Грингмута, ставшего редактором «Московских Ведомостей» – газеты, которую много лет до самой смерти редактировал Катков. Розанов отметил «мечтательность ума, неопытность сердца, незнание действительности» у Каткова, с которым был знаком. Возражая против неумеренных похвал Грингмута, Розанов закончил свою статью, как всегда, многозначно: «Вот, мы, “искренно уповая”, как и г. Грингмут, “на Бога”, окончили анализ “идеала” и определили “великое” как малое, поставив на место его кой-что “малое”, но что и для Бога, а главное – для самих людей, есть истинно “великое”, оплакиваемое и возлюбленное».

Чтобы закончить с 10-летней годовщиной смерти Каткова, следует напомнить, что еще в 1891 г. Розанов направил в «Московские Ведомости» статью о необходимости сооружения памятника Каткову. Однако по поручению газеты Ю.Н. Говоруха-Отрок вернул ему рукопись, сообщив, что «Из агитации, направленной на сооружение памятника Каткову, кроме скандала, ничего не выйдет» (письмо Говорухи-Отрока к Розанову 13 октября 1891 г.).

В своей оставшейся неопубликованной при жизни книге «Мимолетное» Розанов дал 27 февраля 1914 г. характеристику роли и значения Каткова в русской журналистике: «...смертная часть Каткова в том, что он никому не был дорог...

“Нужен” – да; “полезен” – да; “великие таланты ума и пера” – да! да! и да!

“Великий стиль”: – о, конечно, да.

И все эти вещи не образовали даже крупинцы бессмертия потому, что как *лицо* и *лицу* он никому не был дорог...

И он всеми забыт и никем не оплакиваем. А был великий человек...

В сущности, у русских это был единственный оратор “в пере”. Как известно, лично и конкретно он плохо говорил. Но он врожденно что бы ни делал, ни говорил, ни думал “про себя” – делал и говорил и думал ораторски. Он был внутренне весь оратор – сидя у себя в редакторском кабинете один, за лампой с зеленым абажуром... Если газетам для чего-нибудь стоило родиться, то только для Каткова, т.е. чтобы мог осуществиться Катков. Ибо Катков *лично*, но

на кафедре утратил бы целомудрие и уже не был тем, чем ему удалось или посчастливилось быть: оратором, который не видит вовсе толпы, оратором без “публики”, которая глазами и аплодисментами съедает оратора и обращает его в мусор и ничто.

Катков – один у нас. И, м. б., *он ни у кого* не повторится. Место его, без всякого умаления, возле плеча Демосфена, и неизмеримо выше, нежели место Цицерона и, может быть, Питта. В нем было настоящее величие ума, характера и всей фигуры, он был постоянно серьезен.

Шутки, даже улыбки, – нельзя себе представить у Каткова».

16 июля 1914 г. Розанов в «Мимолетном» продолжает характеристику Каткова: «В Каткове было нечто непереносимо сухое. Помилуйте, – о человеке нельзя рассказать никакого анекдота: что же это за человек? Ни одного приключения – ни любовного, и никакого. Томительность – пустынная...

Я даже не понимаю, как будет введена глава “О Каткове” в “Историю русской словесности”. Нельзя вообразить, представить.

Не в этом ли суть, что взор Каткова был фиксирован на правительстве, а не на душе человеческой.

А ведь “правительства” – так преходящи... Ужасная участь. А все оттого, что без анекдота. Без веселости, без “физиогномии”. Маска – ужасная маска, гипсовая маска. И она рассыпалась».

Для Розанова всегда оставались живы университетские впечатления об имени Каткова (запись 31 августа 1915): «Конечно, нет в России грамотного человека, который при имени “Катков” выразил бы на лице недоумение, незнание.

ИМЯ

его есть

ГРОМ

И доселе. Но какой-то глухой, странный, особенный и безличный.

“Безличный?” – Да. Это – явление, событие, громадной величины и силы. “Но никто не запомнит лица”...

Катков говорил царям, правительствам – и те его слушали, ненавидимые им (Германия), боялись. Во всяком случае “слово Каткова” всех тревожило, смущало...

Помню в университете впечатление: профессору, чуть ли не Троицкому, пришлось упомянуть имя “Катков”... “Напр., тот-то, тот-то, Катков и еще другие”. Мы, студенты, все вздрогнули. И я подумал:

– Его никто не видел.

Он был мифом, “богом” и горою уже в свое время. Он был современником нам, “его никто никогда не видел”. Это-то и сообщало ему таинственность, что он наполнял собою улицы, говоры, газеты, журналы; и не было человека, который бы сказал: “Шел туда-то и встретил Каткова”, “был на вокзале – и увидел, как прошел к вагону Катков”.

“Прошел к вагону” слишком по-человечески: а Катков был “не человек”.

Гора.

Огромная.

Гремит. Все слышат. Лица никто не видит.

Удивительно. Но никто не рыдает. Не плачет.

Не вспоминает.

Горько.

Горько и страшно».

В статье «Суворин и Катков» (11 марта 1916) Розанов определил историческую роль Каткова: «Катков создал государственную печать в России и был руководителем газеты, которая, стоя и держась совершенно независимо от правительства, говорила от лица русского правительства в его идеале, в его умопостигаемом представлении».

Все опиралось на «золотое перо» Каткова. «В чем же лежала сущность этого пера? Нельзя сказать, чтобы Катков был гениален, но перо его было истинно гениально. “Перо” Каткова было больше Каткова и умнее Каткова. Он мог в лучшую минуту сказать единственное слово, – слово, которое в напряжении, силе и красоте своей уже было фактом, т.е. моментально и неодолимо родило из себя факты и вереницы фактов. Катков – иногда, изредка – говорил как бы “указами”: его слово “указывало” и “приказывало”. “Оставалось переписать”... – и часто министры, подавленные словом его, “переписывали” его передовицы в министерских распоряжениях и т.д. Что-то царственное; и Катков был истинный царь слова. Если бы в уровень с ним стоял ум его – он был бы великий человек. Но этого не было. Ум, зоркость, дальновидность Каткова – были гораздо слабее его слова».

А через полгода, 14 октября 1916 г. Розанов называет Каткова «Петром Великим газетного слова». Такое многого стоит. Помимо прямых противников у Каткова бывало немало споров и с теми классиками русской литературы, которых романы он печатал в «Русском Вестнике»: Л. Толстого, Достоевского, Тургенева, Лескова и др. Так, Катковым была исключена глава «У Тихона» из романа Достоевского «Бесы». Восьмая часть романа Толстого «Анна Каренина» из-за разногласий редактора с автором не вошла в журнал «Русский Вестник» и была напечатана отдельно.

Редакторские указания Каткова нередко были дельными и принимались авторами. Однако личные отношения с писателями, которых он публиковал в «Русском Вестнике», не всегда складывались благополучно. Обратимся хотя бы к Тургеневу. Из-за введения в России классической системы образования в гимназиях, одним из инициаторов которой был Катков, особенно «осерчал» на него Тургенев. 27 мая 1871 г. он писал П.В. Анненкову: «Я очень рад поражению гнусного Каткова». 15 мая на Государственном совете сторонники классического образования потерпели поражение. Несмотря на это Александр II утвердил мнение меньшинства.

В письме А.А. Фету 8 сентября 1871 г. Тургенев утверждает, что в жизни презирал только трех людей: Жирардена, Булгарина и издателя «Московских Ведомостей». В письмах различным лицам Тургенев упорно распространял ложные слухи о помешательстве Каткова. Из Парижа он писал С.К. Кавелину 2 октября 1872 г.: «Какие положительные известия о Каткове? Здесь уверяют, что с ума сошел. Плакать не буду». О вечное наше «горе от ума»!

Вообще Тургенев имел привычку представлять своих врагов сумасшедшими. В письме Я.П. Полонскому 24 апреля 1871 г. Тургенев сообщал, что Достоевский пришел к нему лет пять назад, «чтобы обругать меня на чем свет стоит за “Дым” <...> Я слушал молча всю эту филиппику – и что же узнаю? Что будто я ему выразил всякие преступные мнения, которые он сообщил Бартеневу... Это была бы просто-напросто клевета – если бы Достоевский не был сумасшедшим – в чем я несколько не сомневаюсь».

Полемика между журналами «Время» и «Русский Вестник» – между Достоевским и Катковым – читается сегодня, полтора века спустя, как неизменный факт литературной истории, ущемляющий, однако, роли обоих писателей в литературе, подобно «ссоре» Тургенева и Толстого. О чем спорили Достоевский и Катков?

Неоконченную повесть Пушкина «Египетские ночи» с входящей в нее поэмой Катков называет стихотворением, а в статье «Наш язык и что такое свистуны» (1861) пишет: «Мы согласны, что в фрагменте Пушкина нет ничего безнравственного. Но это только фрагмент, и о нем можно сказать то же, что и вообще о Пушкине: это только намек, это только мотив, это несколько чудных аккордов, в которых что-то темно чувствуется, но ничто еще не раскрывается для ясного и полного созерцания; надобно слишком много условия, чтобы кроме прелести стихов и очарования образов уловить в этой пиесе намеки ее внутреннего смысла, кото-

рый раскрылся бы в ней для всех доступно, если бы художник совершил свое произведение вполне»⁸.

Понятие «фрагмент» вызвало резкое возражение со стороны Достоевского: «Не можем не сказать несколько слов, по поводу суждения “Русского Вестника” о “Египетских ночах”. Из этого суждения перед нами ярко выставляется вся сила “Русского Вестника” в понимании поэзии. Вообразите: он называет “Египетские ночи” “фрагментом” и не видит в них полноты – в этом самом полном, самом законченном произведении нашей поэзии! Он говорит, что “это только намек, мотив, несколько чудных аккордов, в которых что-то темно чувствуется, но ничто еще не раскрывается (!) для полного и ясного созерцания...”»⁹.

Когда В. Брюсов написал в 1916 г. продолжение поэмы Пушкина «Египетские ночи», это вызвало заинтересованные отклики современников. Пушкин со своей поэмой (или «фрагментом») оказался выше критических споров и взаимонепониманий.

В отличие от Тургенева и многих либералов западной ориентации, «равнодушных к целостности и силе государства нашего», у К.Н. Леонтьева было совсем иное отношение к Каткову и его деятельности. Он называл таких либералов «интеллигенцией» и делал при этом пояснение: «Прошу простить мне это *хамское* слово! Seriously, без *кавычек* я его не позволю употребить»¹⁰.

Катков произнес речь на Пушкинских торжествах 1880 г. и призвал к примирению идейных противников: «Кто бы мы ни были, и откуда бы ни пришли, и как бы мы ни разнились во всем прочем, но в этот день, на этом торжестве мы все, я надеюсь, единомышленники и союзники. Кто знает, быть может, это минутное сближение послужит залогом более прочного сближения в будущем и поведет к замирению, по крайней мере, к смягчению вражды между враждующими».

В ответ на это Тургенев демонстративно отказался поддержать предложенное примирение и чокнуться с протянутым к нему бокалом Каткова. Достоевский, ранее резко полемизировавший с Катковым, теперь оказался на его стороне¹¹.

К.Н. Леонтьев, не присутствовавший на Пушкинских торжествах, в статье «Г. Катков и его враги на празднике Пушкина» высказался по этому поводу со всей определенностью: «Если бы у нас, у русских, была бы хоть искра нравственной смелости и того, что зовут умственным творчеством, то можно было сделать и неслыханную вещь: *заживо политически канонизировать Каткова*. Открыть подписку на памятник ему, тут же близко от Пушкина на *Страстном бульваре*»¹² (т.е. напротив редакции «Русского Вестника»). И далее Леонтьев продолжает, ссылаясь на мнение известного слависта О.М. Бодянского: «Кого можно счесть по силе, по дару и влиянию на поприще *политической словесности* чем-то равносильным Пушкину на поприще *словесности изящной*? Конечно, Каткова! Конечно, всякий, даже и ненавидящий его лично человек, должен повторить слова Бодянского: “Он – личный враг мне (или я ему враг), но он первый и величайший русский публицист!”»¹³.

К десятилетию смерти Каткова Вл.С. Соловьёв в статье «Несколько личных воспоминаний о Каткове» отметил его заслугу в освобождении от доктрины «старого славянофильства»: «Он был увлечен политической страстью до ослепления и под конец потерял духовное равновесие. Но своекорыстным и дурным человеком он не был никогда»¹⁴. Большое внимание уделил Каткову Вл. Соловьёв в своей книге «Национальный вопрос в России».

⁸ Катков М.Н. Собр. соч.: В 6 т. – СПб., 2010. – Т. 1. – С. 362.

⁹ Достоевский Ф.М. ПСС: В 30 т. – Л., 1979. – Т. 19. – С. 132.

¹⁰ Леонтьев К.Н. ПСС: В 12 т. – СПб., 2006. – Т. 7. – Кн. 2. – С. 202.

¹¹ Подробнее об «инциденте Каткова» см. в кн.: Волгин И. Последний год Достоевского. – М., 1986. – С. 232–238.

¹² Леонтьев К.Н. Там же. – С. 199.

¹³ Там же. – С. 199–200.

¹⁴ Соловьёв В.С. Соч.: В 2 т. – М., 1989. – Т. 2. – С. 634.

Многие лучшие русские люди были созидателями России, ее культуры и государственности. Среди них в XIX и начале XX столетия М. Катков, Ф. Достоевский, К. Леонтьев, великий просветитель А. Суворин, В. Розанов, П. Флоренский, П. Столыпин, Н. Вавилов и тысячи тех, кто погиб в русское лихолетье века двадцатого.

Велико было число и разрушителей России, которые в конце концов взяли верх и на долгое семидесятилетие установили свое «царство зверя». Начиналось с благородных декабристов и прекрасногодушного А. Герцена. Потом замелькали топоры Н. Чернышевского и Д. Писарева, рубившего пушкинскую поросль («наши топоры лежали до поры»). Тут подоспели террористы-народники и их наследники во главе с Лениным и его поделниками, приведшими Россию к краху 1917 г., а затем к естественному краху 1990-х годов, ставшему расплатой за преступное господство над страной одной партии. И выход из этого затянувшегося кризиса, порожденного всей нашей историей XX в., возможен лишь при обращении к тому лучшему, светлому, что было создано в России за многие века ее существования. Не переосмыслив прошлого, не создадим будущего.

Насколько важен нам ныне Катков, показали недавние дискуссии о его наследии. Ключевой при этом стала его статья «Наше варварство – в нашей иностранной интеллигенции» (1878), слова которой относятся и к сегодняшней либеральной интеллигенции в России: «Наша интеллигенция выбивается из сил показать себя как можно менее русскою, полагая, что в этом-то и состоит европеизм <...> Наше варварство заключается не в необразованности наших народных масс: массы везде массы, но мы можем с полным убеждением и с чувством достоинства признать, что нигде в народе нет столько духа и силы веры, как в нашем, а это уже не варварство... Нет, наше варварство – в нашей *иностранной* интеллигенции. Истинное варварство ходит у нас не в сером армяке, а больше во фраке и даже в белых перчатках»¹⁵. Как при этом не вспомнить Розанова, выразившего ту же мысль образно: «Все “мертвые души” Гоголя вдруг выскочили в интеллигенцию, и началось такое “шествие”, от которого только оставалось запахнуть дверь»¹⁶.

Новое издание «Собрания сочинений» М.Н. Каткова в шести томах (2010–2012) содействует тому, что глава о нем станет частью «Истории русской словесности».

¹⁵ Катков М.Н. Собр. соч.: В 6 т. – СПб., 2011. – Т. 2. – С. 405.

¹⁶ Розанов В.В. Собр. соч. О писательстве и писателях. – М., 1995. – С. 356.

Н.П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ И КАТКОВ: ПУБЛИЦИСТЫ-АНТИПОДЫ В ПОЛОСЕ ВЗАИМНОГО ТЯГОТЕНИЯ

А.П. Дмитриев

Аннотация

В статье показаны 30-летние взаимоотношения двух публицистов-«охранителей» – Н.П. Гилярова-Платонова и Каткова, развивавшиеся от приятельства и сотрудничества в 1850–1860-х годах до их идейного противостояния в 1870–1880-х годах. Если Гиляров в публицистике был больше философом-созерцателем, то Катков всегда оставался практиком и политическим борцом.

Ключевые слова: публицистика, история журналистики, консерватизм, цензура, революционный терроризм, мемуаристика.

Dmitriev A.P. N.P. Gilyarov-Platonov and Katkov: Publicists-antipodes in the stripe of mutual gravitation

Summary. The article deals with the history of 30-year relationship between the two «conservative» publicists – N.P. Gilyarov-Platonov and Katkov, developed from friendliness and collaboration in the 1850–1860-s prior to their ideological confrontation in 1870–1880-s. If Gilyarov in his journalism was more of a philosopher-spectator, Katkov always remained a practitioner and political activist.

Двух известных московских публицистов, принадлежавших к лагерю «охранителей» и одновременно в 1860–1880-х годах издававших ежедневные политические газеты, нередко сопоставляли друг с другом. И хотя гиляровские «Современные известия» в свое время были популярны не менее «Московских ведомостей» как в родном городе, так и в провинции (по тиражу иногда и превосходили), однако, конечно, близкий к славянофилам Никита Петрович Гиляров-Платонов (1824–1887) и при жизни, и тем более после смерти всегда находился в тени своего старшего современника Каткова (их разделяло шесть лет). Причина такого положения вещей лежала на поверхности: если Гиляров в сфере публицистики оставался утонченным философом и богословом, порой слишком своеобразным и замысловатым для широкой публики, то Катков как бы воплощал некий образец по-настоящему востребованного журналиста-практика – «властителя дум», поборника национально ориентированной государственной политики. Тем не менее неслучайно имена Гилярова и другого их знаменитого современника, И.С. Аксакова, часто, особенно же с начала 1880-х годов, объединялись с именем М.Н. Каткова в некий метафорический «триумвират московских консерваторов», будто бы монолитный и мировоззренчески, и в своих каждодневных практиках.

Существенно, однако, что ближайшее литературное окружение видело в Гилярове и Каткове во многом антиподов. Приведем три, на наш взгляд, наиболее проницательных суждения современников, сравнивавших их как публицистов.

Во-первых, интересна оценка третьего члена «триумвирата» – И. Аксакова, высказанная им в письме к самому Гилярову, которое по содержанию можно датировать серединой сентября 1884 г., когда ими обсуждался план слияния «Современных известий» с «Русью», чтоб на этой основе, с привлечением значительных купеческих капиталов, создать большую наци-

ональную газету вроде «Таймса»¹. Аксаков писал другу, что тот в качестве редактора этого издания, в отличие от Каткова, не сможет удовлетворить промышленников-меценатов: «*Вы же не удовлетворите* – потому, что вечно прозираете в будущее за целый век, а иногда и за несколько, – потому что мысль Ваша слишком оригинальна и в то же время радикальна. Вам под стать написать: “Новые начала политической экономии” – целый трактат, и его оценят прежде всего германские ученые. Этого достоинства Катков не имеет, а потому именно он и сильнее Вас, его слово более веско, ближе к делу как оно есть, – что современникам, вообще практикам, а нашим купцам пуще всего – на потребу. Слово Каткова никогда не головоломно, никогда не отвлеченно и при рельефности изложения всем понятно. Как газетный публицист он, несомненно, стоит выше и меня, и Вас. Он не мучается никакими вопросами, не выражает ни сомнений, ни недоумений, – слово его не замысловатое, не мудреное, но властное. Ваша же газета, например, это – “альбом моих ощущений, впечатлений и мыслей”»².

Общедоступность прямолинейного слова Каткова по сравнению с многозначной глубиной гиляровского подчеркивал и литератор И.В. Павлов, знакомый Герцена, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, «человек живого и острого ума»³, в своем письме от 3 июня 1893 г. к князю Н.В. Шаховскому, биографу Гилярова. Павлов дал ему такую характеристику: «Ведь это самый крупный русский публицист! Катков был блестящ, но односторонен; он даже в лучших статьях своих напоминает Сквозник-Дмухановского, закрывающего пальцем некоторые места в хлестаковском письме. А Гиляров ничего не закрывал, ибо воистину был умозритель, видевший ясно оба полюса каждой мысли. Таких умов на свете немного»⁴. Как видим, вывод Павлова о том, кто «выше как публицист», оказался прямо противоположен заключению Аксакова.

Третье, показательное по своей аналитической выверенности, сопоставление публицистов принадлежит упомянутому выше князю Н.В. Шаховскому, филологу и экономисту, в 1900–1902 гг. возглавлявшему Главное управление по делам печати. По смерти Гилярова, своего учителя и друга, он посвятил ему 14 обстоятельных статей и подготовил к печати девять его книг. Но он был близок и к Каткову, и его семье, поскольку его дядя по матери, географ А.П. Ефремов, был ближайшим приятелем Каткова, а брат Лев женился на дочери последнего Варваре, – во всяком случае, Шаховского никак нельзя заподозрить в предвзятости. Он писал в одной из своих первых статей о Гилярове, отталкиваясь от оценок Павлова: «Катков был не только “блестящий”, но он обладал *талантом* публициста. У него были истинный энтузиазм и лирическое чувство. Он не только разъяснял вопросы, но он *увлекал*; он действовал не на один ум, а также и на *волю*, и преимущественно на сию последнюю. Катков мог своею статьей *уничтожить* человека и тем подорвать его направление, на что Гиляров не был способен, потому что был христианский философ-созерцатель, который убеждал, а не сокрушал»⁵. И далее о главной заслуге Каткова как охранителя: «Он не проповедовал ничего нового, он заботился об укреплении старых наших исторических и бытовых основ, потрясенных в общем сознании после освобождения крестьян. Святость и неприкосновенность Русской территории, добытой некогда русскою кровью; святость формы правления, выработанной историей народа, незыб-

¹ См. об этом проекте «большой московской газеты» обстоятельную публикацию Д.А. Бадаляна: «Мы с Вами – последние мигикане...»: Н.П. Гиляров-Платонов, И.С. Аксаков и проект новой общероссийской газеты в письмах и документах 1884 г. // Гиляровский историко-литературный сборник. – СПб.: Росток, 2012. (Готовится к печати.)

² Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистоляр. дневник 1838–1886 гг. – М.: Рус. книга, 2004. – Т. 3. – С. 442; уточнено по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. № 13. Л. 35 об. – 36.

³ *Мостовская Н.Н.* И.В. Павлов – корреспондент Тургенева // И.С. Тургенев: Вопросы биографии и творчества. – Л.: Наука, 1982. – С. 143.

⁴ ОР РНБ. Ф. 847. № 144. Л. 1–1 об.

⁵ *Шаховской Н.*, кн. Из подготовительных работ по биографии Гилярова // Русский архив. – 1893. – Кн. II. – Вып. 7. – С. 428.

лемость Православия именно в том виде, в каком оно есть, и пр.: вот чего Катков был стойкий защитник»⁶.

«Гиляров, – продолжал свое сопоставление Шаховской, – был иной: в каждой его статье сквозил уголок никому неизвестного, но тщательно выработанного им мировоззрения <...> Гиляров был сильнее Каткова шириною взглядов, строгостью и последовательностью убеждений, а с практической стороны, в отношении к каждому живому факту, выдвигаемому жизнью и ждущему своего разрешения сейчас, сию минуту, он должен был уступать Каткову, который и лучше знал среду, приемы, и обладал бóльшим одушевлением и убедительностью для читателей»⁷. И наконец: «Люди, подобные Никите Петровичу Гилярову, – *роскошь*. Их не замечают при жизни, но им удивляются и поклоняются после их смерти. <...> У Гилярова у *одного* были свои собственные убеждения»⁸.

Приведенные суждения, разумеется, не являются истиной в последней инстанции и могут быть скорректированы (например, оспорен тезис об отсутствии у Каткова своеобразных убеждений), но нельзя не признать, что высказанные столь глубокомысленными современниками из окружения Гилярова и Каткова, тем более людьми, близкими им по взглядам, они в первую очередь заслуживают того, чтоб быть услышанными и осмысленными.

Начало взаимоотношений Гилярова и Каткова относится к середине 1850-х годов, причем период до личного знакомства интересен некоторым сходством их жизненного пути: оба преподавали в высшей школе – Катков логику, психологию и историю философии в Московском университете (1845–1850), а Гиляров – библейскую герменевтику, сравнительное богословие и расколоведение у Троицы в Академии (1848–1855), и оба вынужденно прервали свою педагогическую деятельность: Катков – по причине ликвидации кафедр философии в университетах, Гиляров – из-за конфликта с митрополитом Филаретом (Дроздовым). Познакомились они, когда Катков приступил к изданию своего «Русского вестника», имевшего поначалу либерально-западническую окраску, а Гиляров примкнул к узкому кружку славянофилов, основавших журнал «Русская беседа», в котором принял ближайшее участие и как автор ряда принципиальных статей по литературной критике и методологии истории, и как правительственный цензор. Одновременно (с 1858 г.) он цензурировал и журнал Каткова. Современники не раз отмечали необычное поведение Гилярова при исполнении им своих служебных обязанностей: он не только не стремился запретить тот или иной неудобный материал в порученных его опеке изданиях⁹, но подчас сам его редактировал, сглаживая острые моменты, а порой на свой страх и риск пропускал важные для общества злободневные статьи вопреки инструкциям, требовавшим утомительные согласования таких решений с высшими инстанциями (так было, например, с публикациями в «Русском вестнике» по крестьянскому вопросу¹⁰).

Неудивительно, что впоследствии параллельно с цензурованием журнала Каткова Гиляров по его просьбе стал и редактировать отдельные поступающие в редакцию материалы. Своему почитателю, публицисту И.Ф. Романову-Рцы Гиляров писал о себе 15 ноября 1886 г.: «Ценили Катков / Леонтьев, но умозрительно! – в числе условий моей работы (письменных) поставлено было, чтобы я являлся в редакцию (“Русского вестника”) “высказывать (словесно) свои мысли по текущим вопросам”»¹¹. А 1 марта 1862 г. М.Н. Катков и П.М. Леонтьев пред-

⁶ Там же.

⁷ Там же. – С. 429.

⁸ Там же. – С. 430.

⁹ См., например: Ф.Е. <Еленев Ф.П.>. Черта из жизни Гилярова-Платонова // Русский архив. – 1887. – Кн. III. – Вып. 12. – С. 571–575.

¹⁰ Его объяснение министру народного просвещения по этому вопросу (от 9 марта 1859 г.) опубликовано: Любимов Н.А. Докладная записка Н.П. Гилярова-Платонова // Русский вестник. – 1888. – Т. 195, март. – С. 423–426.

¹¹ «Многое тут разбросано искрами глубокой мысли...»: (Письма Н.П. Гилярова-Платонова к И.Ф. Романову-Рцы) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.П. Дмитриева // Возвращение Гилярова-Платонова: Сб. ст. и материалов. – Коломна: Коломен.

ложили Гилярову «расширить содействие» «Русскому вестнику», фактически – взять на себя заведование редакцией этого журнала¹². Они видели в Гилярове не «человека партии», а ценного сотрудника и помощника, обладающего широтой воззрений и самостоятельностью мышления. Эти обязанности Гиляров, по всей видимости, выполнял недолго, потому как в августе 1863 г. возглавил Синодальную типографию в Москве. Позднее, в 1886 г., когда очередной заведующий редакцией этого журнала, В.П. Ключников, покинул Москву и переехал в Петербург, Гиляров, теснимый кредиторами, попробовал снова испросить эту должность у Каткова и написал ему так: «Мне сказывали, верно или нет, не знаю, что В.П. Ключников оставил занятия свои по “Русскому вестнику”. Вспоминаю, что некоторое время на мне лежали приблизительно обязанности, которые перешли потом к Н.А. Любимову и В.П. Ключникову, и Вы с Павлом Михайловичем <Леонтьевым> не были мною недовольны»¹³. Однако в тот период пути бывших друзей сильно разошлись и Катков отказался от сотрудничества Гилярова в своем издании. Изредка последний и сам печатался в «Русском вестнике». Так, известен его ироничный отклик на статью А.Н. Муравьева «Обличение на книгу “О возможном соединении Церкви Российской с Западною”»¹⁴. О драматичной истории, связанной с публикацией в журнале Каткова мемуарной книги Гилярова, скажем ниже.

Следующий и наиболее важный этап их взаимоотношений начинается в декабре 1867 г., когда Гиляров основал первую в Москве ежедневную газету «Современные известия» («Московские ведомости» тогда не выходили по понедельникам), которая стала, с одной стороны, конкурентом изданию Каткова, а с другой – идейно дополняющим и во многом поддерживающим его позицию органом печати.

Гиляров относился к Каткову-редактору поначалу довольно тепло, но начиная с 1870-х годов все более и более несочувственно и критически. До этого периода позиции Каткова и И. Аксакова (с его газетами «День», «Москва» и «Москвич») оценивались Гиляровым одинаково высоко – как ориентированные на смелый и плодотворный диалог с правительством. Позднее он писал в брошюре «Нечто о Русской церкви в обер-прокурорство К.П. Победоносцева» (Лейпциг: Тип. Ф.А. Брокгауза, 1887; под псевд. «Р.С.Т.»): «В прежнее время Главное управление печати прощало резкие выражения консервативных органов печати, которые, как у И.С. Аксакова или М.Н. Каткова (до 1870-х годов), вызывались глубоким патриотизмом и любовью к России и к ее Монарху. Теперь же подобные выражения преследуются, что можно было видеть на предостережениях, данных газетам “Восток” и “Русь”»¹⁵.

Можно привести немало примеров, где «триумвират» выступал как бы единым фронтом. Особенно показательны передовицы во всех трех газетах, посвященные юбилею митрополита Московского Филарета (Дроздова), праздновавшемуся в августе 1867 г. и фактически замолчанному либеральной прессой¹⁶. Впоследствии такое единомыслие Гилярова с Катковым встречалось все реже.

Отметим два случая. В 1869 г., при обсуждении нового Устава духовных академий, Катков предложил заменить их богословскими факультетами при университетах ради экономии казенных средств. Он выдвинул идею перевода Московской духовной академии из Тро-

гос. пед. ин-т, 2007. – С. 287.

¹² См.: ОР РНБ. Ф. 847. № 654. Л. 1–2.

¹³ Там же. – № 421. Л. 5.

¹⁴ Ц. <Гиляров-Платонов Н.П.>. Библиографическая заметка // Русский вестник. – 1859. – Т. XX, апр. – Кн. 1. – Отд. II. – С. 245–250. Полемическая статья Муравьева была направлена против книги Н.Б. Голицына.

¹⁵ Разумевающие верой: Переписка Н.П. Гилярова-Платонова и К.П. Победоносцева (1860–1887) / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. А.П. Дмитриева. – СПб.: Росток, 2011. – С. 331.

¹⁶ См.: Дмитриев А.П. Филаретовский юбилей 1867 г. и кончина святителя в оценках «триумвирата» московских консерваторов (И.С. Аксаков, Н.П. Гиляров-Платонов, М.Н. Катков) // Филаретовский альманах. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. – Вып. 5. – С. 165–186; то же в изд.: XIX Ежегодная богословская конференция ПСТГУ. Материалы: В 2 т. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. – Т. 1. – С. 115–124.

ице-Сергиевой лавры в Москву, считая ее размещение в Лавре проявлением волонтаризма Павла I и призывая исправить историческую несправедливость, вернув Академию в Москву¹⁷. На это суждение, выдвигавшее на первый план мотив нравственного искупления, с сочувствием откликнулась газета Гилярова¹⁸.

Второй случай связан с неисполнением обоими редакторами Высочайшего распоряжения от 5 января 1873 г., требовавшего, чтобы при освещении Нечаевского процесса «поврежденные издания ограничились перепечатками стенографического отчета “Правительственного вестника”»¹⁹. Однако Гиляров и Катков в своих газетах не удержались и дали сообщения о процессе Нечаева до появления отчета в официозе²⁰, за что и поплатились – номера их газет были арестованы. Об этом Гиляров с нескрываемой горечью писал своему приятелю и многолетнему корреспонденту К.П. Победоносцеву 29 января 1873 г.: «Нам было объявлено Выс<очайшее> повеление заимствовать отчет из “Прав<ительст-венного> вест<ника>”. Но я, конечно, и Катков также – решили, что медлить сообщением впечатления, которое в правительственном смысле очень хорошо, поведет лишь к тому, что ослабит и заподозрит впечатление “Прав<ительственного> вест<ника>”. А за это прогневались!»²¹

Сохранившиеся девять писем и записок Гилярова к Каткову (едва ли их было больше, учитывая то, что они оба москвичи и если общались, то исключительно по делу) по тону сдержанны, хоть и доброжелательны: Гиляров в августе 1862 г. ставит Каткова в известность, что уволен от цензорской должности, а в марте 1877 г. поясняет претензии цензоров к публикации речей И. Аксакова в Славянском комитете²², просит поддержать в трудную минуту и ссудить то 10, то 15 тыс. рублей, в марте 1884 г. предупреждает о возможном закрытии «Современных известий» (в этих последних письмах сквозит отчаяние)²³.

Но именно в письмах к тому же Победоносцеву, позиции которого во властных структурах в то время неуклонно усиливались, Гиляров чаще, чем кому бы то ни было из своих корреспондентов, очень искренно высказывает свое растущее недовольство Катковым. Причины этого очевидны: во-первых, «Московские ведомости» оказывали все большее влияние на правительственную политику; во-вторых, через Победоносцева Гиляров хотел донести до верховной власти свое убеждение в том, что это влияние тлетворно и способствует обострению политической ситуации в стране, и, наконец, ему было важно разубедить самого Победоносцева, как известно, из всех русских газет признававшего полезным только издание Каткова. Так, накануне приезда Александра III с семьей в Москву, 15 июля 1881 г., Победоносцев писал сопровождавшему их министру внутренних дел графу Н.П. Игнатьеву: «Сделайте милость, не пускайте к нему там журналистов, кроме Каткова. Он один – достойный уважения и преданный, разумный человек. Все остальные – сволочь или полоумные»²⁴. Под «полоумными» в первую очередь подразумевались как раз Гиляров, с его оригинальными проектами по умиротворению общества после царевубийства, и И. Аксаков, вынашивавший тогда проект созыва нового Земского собора.

Почему же Гиляров полагал, что подобное чуть ли не подобоострастное отношение петербургских чиновников к Каткову пагубно для России? Дело в том, что он считал позицию, занятую «Московскими ведомостями» в вопросе революционного движения, провокационной, разжигающей недобрые страсти и множущей ряды нигилистов. Например, по поводу прокламации

¹⁷ См.: Московские ведомости. – 1872. – 9 марта (№ 60). – С. 2.

¹⁸ См.: Современные известия. – 1872. – 13 марта (№ 71). – С. 2.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 3. Л. 41.

²⁰ Современные известия. – 1873. – 9 янв. (№ 8). – С. 2; Московские ведомости. – 1873. – 9 янв. (№ 5). – С. 2.

²¹ Разумевающие верой. – С. 131.

²² НИОР РГБ. Ф. 120. Карт. 24, кн. 3. Л. 162–163 об.

²³ ОР РНБ. Ф. 847. № 421. Л. 1–8.

²⁴ Былое. – 1924. – № 27/28. – С. 57.

студента Н.Н. Гончарова («Виселица» от 14 мая 1871 г.), протестовавшей против классического образования и его пропаганды Катковым (как некоего противоядия от распространения социалистических идей в молодежной среде), Гиляров писал Победоносцеву 19 февраля 1872 г.: «...На мой взгляд, “Московские ведомости” суть главнейший враг истинно классического образования и во многих отношениях главнейшая причина и Нечаева, и Гончарова. Разве не “Русский вестник” – родоначальник самого нигилизма? Отсутствие нравственных начал, исконное, привело их к полицейскому воззрению, из боязни попасть в грубый нигилизм, и к классицизму, по-своему понимаемому. Эко спасение! Но классицизм, по ихней мерке проводимый, только отупляет: это факт, подтверждения которому имею многие. Заранее грустно за реакцию, которая рано ли, поздно ли наступит и которая погубит даже ту долю истинного, что есть в теперешних “Московских ведомостях”»²⁵.

Та же мысль развивается и в дальнейшей переписке. Так, 20 февраля 1874 г. Гиляров делился с приятелем впечатлением от одной из катковских передовиц: «На душе неимоверно скверно. Видишь положительно борьбу двух нигилизмов, радикалистического и консервативного; последний еще хуже первого. Первый, по крайней мере, по-своему честен, но от чтения “Московских ведомостей” можно получить истерику; лесть никогда не доходила до такого бесстыдства: от статьи, восхваляющей Габсбургов, обругавшей славян и выдавшей все эти похвальные чувства за мнение Москвы и России, я сделался почти болен»²⁶. (Речь идет о передовой статье, приуроченной к визиту императора Франца-Иосифа и носящей подчеркнуто официальный характер; в ней, в частности, утверждалось: «В России высказывались сочувствия к соплеменным народностям, живущим под скипетром Габсбургского дома, но не в ущерб целому, которого единство и сила заключаются в этом скипетре»²⁷.)

24 октября 1880 г. Гиляров прямо обвиняет Каткова в разгуле терроризма (в частности, в связи с покушением на императора А.К. Соловьёва): «...Воспоминание о роли, которую исполняли “Московские ведомости” последние три-четыре года особенно, не может не вызывать раздражения; но источник его не личный. Ужасающие выходки революционной шайки должны быть на большую половину поставлены в вину “Московским ведомостям”. Они были органом всякой реакции, глашатаем всякой репрессии, противником всякой свободы. Аракчевщина – вот был бы их идеал. <...> Разумеется, не они подуськивали Соловьёва и его братию, но они отлично распахивали почву, рассеивая недовольство и озлобление в публике, так что публика под конец пассивно относилась к злодействам. <...> Пред обществом была дилемма: революционная дерзость возбуждала омерзение, но не меньшее и идеалы “Московских ведомостей”»²⁸.

В том же письме Гиляров возлагал на Каткова и вину в усилении влияния на общество антинациональных сил и утверждал, что такая безответственность подпитывается только тщеславием: «...Либеральная фраза, праздная оппозиция получает в обществе незаслуженный авторитет, благодаря душительному направлению “Московских ведомостей”, которым общество не может же сочувствовать. И добро бы их мнение было жизненным убеждением. При своем несомненном таланте, при уме и образовании Катков движется только личным самолюбием, безграничным самолюбием. Он убежден на ту минуту, когда он говорит, в том, что говорит. Но убежден по самолюбию. <...> Надо уметь отыскать клапан; всякая дальнейшая реакция, всякая репрессия будет уголья горячие на голову»²⁹.

²⁵ Разумевающие верой. – С. 82.

²⁶ Там же. – С. 161.

²⁷ Московские ведомости. – 1874. – 7 февр. (№ 35). – С. 3.

²⁸ Разумевающие верой. – С. 194.

²⁹ Там же. – С. 195, 196.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.